

Некоторые книги, которые я нашел полезными во время работы над «Игрой престолов» и ее сиквелами, заслуживают особого упоминания...

Это «Жизнь в средневековом замке»
и «Жизнь в средневековом городе» Джозефа и Фрэнсис Гис.

Джордж Р. Р. Мартин

ДЖОЗЕФ ГИС и ФРЭНСИС ГИС

ЖИЗНЬ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЗАМКЕ

Издательство Колибри

Джозеф Гис

Жизнь в средневековом замке

«Азбука-Аттикус»

1974

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

Гис Д.

Жизнь в средневековом замке / Д. Гис — «Азбука-Аттикус»,
1974

ISBN 978-5-389-22274-8

«Жизнь в средневековом замке» – бестселлер, познакомивший бесчисленное количество читателей с повседневным миром человека эпохи Средневековья. Исследуя историю замка под названием Чепстоу на границе между Англией и Уэльсом, известные медиевисты Джозеф и Фрэнсис Гис создают изысканный и чрезвычайно наглядный портрет повседневной жизни в Средние века. Их герои не только обитатели замка, но и простолюдины из окрестной деревни, ключевую роль в жизни которой также играл замок лорда. В лаконичном, отлично структурированном и увлекательном повествовании авторы рассказывают, что носили лорды и простолюдины, что они ели и чем заполняли досуг, излагают кодексы сексуального поведения и повествуют о роли чести в средневековой культуре, о процессе посвящения в рыцари и о том, как была устроена жизнь за высокими стенами в условиях постоянной угрозы внешнего нападения. Детально проработанная и увлекательная, словно роман, «Жизнь в средневековом замке» – подлинная находка для тех, кто хочет больше узнать об этой удивительной эпохе. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-389-22274-8

© Гис Д., 1974

© Азбука-Аттикус, 1974

Содержание

Пролог. Замок Чепстоу	7
Глава I. Замки появляются в Англии	9
Глава II. Владелец замка	16
Глава III. Замок как жилище	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джозеф Гис, Фрэнсис Гис

Жизнь в средневековом замке

Joseph Gies and Frances Gies
LIFE IN A MEDIEVAL CASTLE

Copyright © 1974 by Joseph Gies and Frances Gies

© В. А. Петров, перевод, 2022

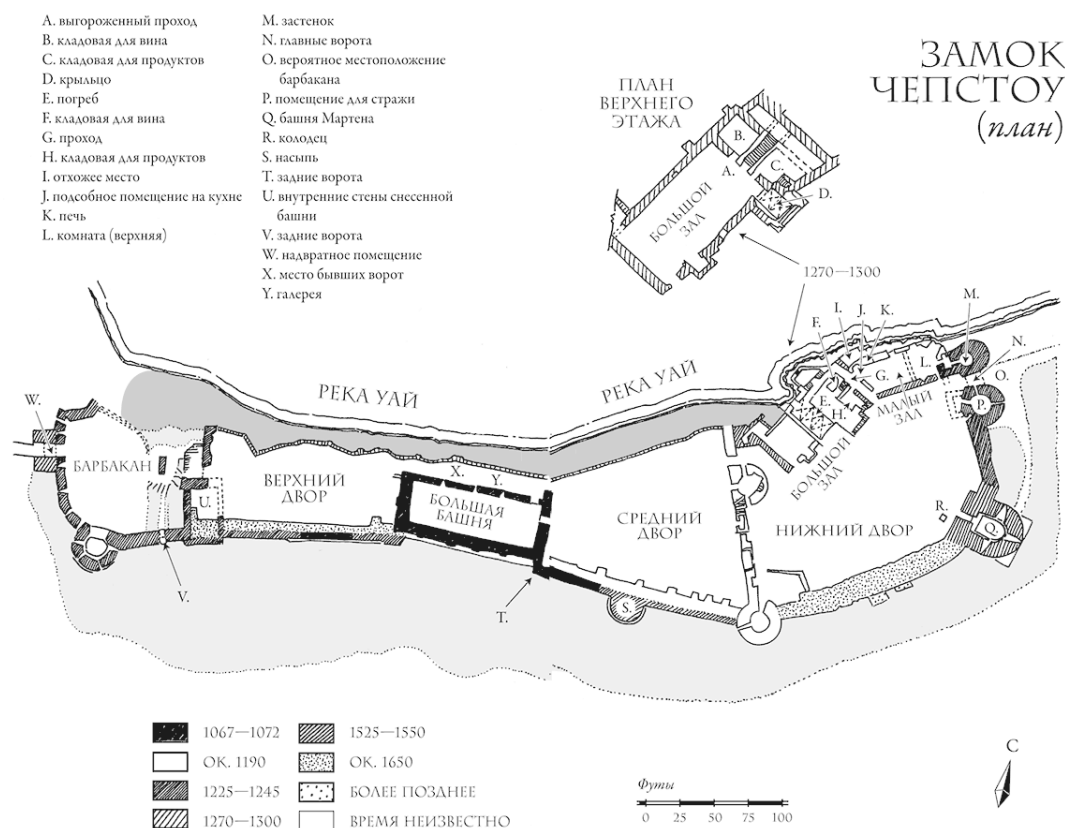
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство Колибри®

* * *

Посвящается Линн, строительнице замков

Авторы выражают благодарность профессору Ч. Уоррену Холлистеру (Университет Калифорнии в Санта-Барбаре) за его полезные замечания и исправления, библиотеке Северо-Западного университета, Британскому музею, Департаменту окружающей среды Великобритании.

Пролог. Замок Чепстоу

К северу от современного подвесного моста через Северн, в Монмутшире, близ границы с Уэльсом, возвышается замок Чепстоу. Он стоит на вытянутом и узком холме, господствующем над рекой Уай, широкой и мелкой: вместе с Северном, подверженным действию приливов, она ежедневно превращается из судоходной реки в грязную низменность.

С противоположного берега Уая замок выглядит как суровая, почти нетронутая временем каменная крепость огромной длины (около двухсот метров), вытянутая с запада на восток. Зубчатые стены усилены несколькими башнями, круглыми и квадратными, которые сложены из разных пород камня – от серого известняка до желтого и темно-красного песчаника: ясно, что строительство велось в разные эпохи.

Входом служат Большие ворота в восточной оконечности замка. Через них посетители попадают в просторный, заросший травой внутренний двор площадью около восемнадцати квадратных метров. Южнее ворот тянется стена высотой в двенадцать метров, заканчивающаяся громадной башней в юго-восточном углу замка – плоской с одной стороны, полукруглой с другой. Сегодня последняя известна как башня Генри Мартена, по имени политического узника XVII века, проведенного здесь двадцать последних лет своей жизни. С севера, напротив башни Мартена, примыкая к стене, глядящей на реку, теснятся постройки XIII века – так называемая жилая часть. Если приглядеться к ней внимательнее, окажется, что она состоит из двух больших каменных залов, с комнатами, погребями, кладовыми, и расположенными прямо над рекой отхожими местами.

Этот восточный двор известен как нижний. За ним к западу лежит средний двор, также окруженный стенами; в него попадают через внутренние ворота с башней. В дальнем конце двора, вытянутого, как и весь замок, с запада на восток и занимающего почти целиком самую узкую часть холма, высится Большая башня. Сегодня от нее остались лишь стены без крыши и пола, с полуразрушенным верхним этажом. Это древнейшая часть Чепстоу, восходящая к XI веку: до сооружения жилой части она была центром жизни замка. Башня дважды перестраивалась, к первоначальным двум этажам добавился третий. Ее самые ранние элементы легко отличить по кладке и архитектурным деталям: большие глыбы желтого камня служат основанием для стен, тоже сложенных из желтого камня, но более грубого, причем куски становятся меньше. В стенах проделаны небольшие круглые (романские) окна и дверные проемы с арочными или горизонтальными перекрытиями. После первой перестройки – во второй четверти XIII века – появились кладка из грубого известняка и третий этаж над западной частью башни, были расширены сделанные ранее оконные и дверные проемы второго этажа: они стали стрельчатыми, готическими, и были украшены сложной резьбой. Наконец, последние две трети верхнего этажа были возведены в конце XIII века, что заметно по грубо обтесанным квадратным булыжникам и красному песчанику.

На северной стороне Большой башни имеется проход – галерея, некогда имевшая деревянную крышу; она зажата между Большой башней и стеной, выходящей на реку. Через не существующие теперь ворота из галереи когда-то попадали в третий и самый западный двор – верхний. В конце его стоит прямоугольная башня, прикрывающая западные ворота замка. Этот вход дополнительно защищен внешним укреплением – барбаканом, с собственным надвратным помещением, обозначающим западную оконечность замка.

Несмотря на исчезновение деревянных крыш, перекрытий, служебных построек и обрушение верхней части некоторых стен и башен, Чепстоу отлично сохранился. По своим размерам, мощи и расположению он является одним из наиболее внушительных средневековых замков Европы, еще более впечатляющим оттого, что он не обезображен современной реставрацией. Ансамбль создавался на протяжении трех веков; владельцами замка были четыре могу-

щественные англо-нормандские семьи. Обветренные камни – уникальные свидетели эпохи, когда жизнь принадлежала смельчакам, была сурова и полна опасностей, когда Чепстоу и другие замки, от Скандинавии до Италии, переживали свой звездный час. Повсюду в Европе на протяжении раннего Средневековья замки играли первостепенную роль, шла ли речь о военном деле, политике, экономике или культуре. В Англии судьба замков сложилась особенно драматично. Сегодня Англия располагает одной из богатейших коллекций руин средневековых замков; по некоторым источникам, их насчитывается не менее полутора тысяч.

В этой книге мы рассмотрим, как строились замки, какое значение они имели в прошлом, но прежде всего обратимся к жизни, наполнявшей их в золотую эпоху – в XIII веке. Чепстоу обладает многими характерными для замков особенностями, связанными с архитектурой и расположением жилых помещений. Кроме того, его хозяева были виднейшими феодалами своего времени. Поэтому он будет находиться в центре нашего повествования. По мере необходимости мы обратимся и к другим замкам, в Англии и на континенте: рассказ лишь об одном из них, даже таком, как Чепстоу, не дает возможности полностью осветить жизнь внутри средневекового замка и в его окрестностях.

Глава I. Замки появляются в Англии

Утром 28 сентября 1066 года около тысячи драккаров, каждый с единственным квадратным парусом, внезапно появились у побережья Англии близ Певенси, примерно в шестидесяти пяти километрах к юго-западу от Дувра. Лодки приставали к берегу, из них выпрыгивали вооруженные люди – всего около семи тысяч. Войско герцога Вильгельма Нормандского, несколько недель ждавшее благоприятной погоды, пересекло стокилометровый пролив за одну ночь, чтобы подкрепить притязания их предводителя на английский престол. В его составе были не только нормандские вассалы Вильгельма, но также наемники и авантюристы со всей Северной Франции и даже из более отдаленных краев: для XI века – огромная и дисциплинированная сила, которая свидетельствовала о могуществе и финансовых возможностях герцога.

Англия видела много вторжений с моря, но такого грандиозного, пожалуй, никогда. В погруженном на суда войске герцога Вильгельма имелось кое-что новое – лошади. Не менее трех тысяч этих животных были успешно переправлены через Ла-Манш при помощи неких приспособлений – вероятно, своего рода ременной обвязки, – которые нормандские наемники, скорее всего, позаимствовали у византийцев. Флотилия везла также разборный форт – бревна были срублены, обтесаны и соединены друг с другом во Франции: затем их разобрали, связали и погрузили на суда. После высадки у Певенси нормандцы собрали форт уже к вечеру. Нормандский хронист Ордрик Виталий сделал чрезвычайно важное замечание: в саксонской Англии было «лишь несколько крепостей, которые нормандцы зовут замками». Вероятно, если брать всю Англию, в 1066 году их насчитывалось с полдюжины: один в Эссексе, у восточного побережья, три в Херефорде, неподалеку от границы с Уэльсом, по одному в Арунделе, в Суссексе, у Ла-Манша (все они были построены нормандскими рыцарями, которые перешли на службу к Эдуарду Исповеднику), и, наконец, один в Дувре – его возвел Гарольд Годвинсон, преемник Эдуарда и соперник Вильгельма. Большинство их были деревоземляными, как почти все замки на континенте. Жан де Кольмье так описывал типичный «курганно-палисадный» замок в Северной Франции:

В обычае местной знати насыпать земляной холм, настолько высокий, насколько можно, и затем окружать его рвом, настолько широким и глубоким, насколько это удастся. Пространство на вершине холма они окружают оградой из очень крепких тесаных бревен, прочно соединенных друг с другом, которая укреплена башнями – столькими, насколько хватает средств. Внутри стен стоит постройка, главная цитадель или башня, которая господствует над всем обороняемым участком. Входят в крепость через мост... опирающийся на пары устоев... переброшенный через ров и достигающий верхней части холма на уровне входных ворот.

Сооружение таких курганно-палисадных замков не требовало квалифицированных специалистов, подобные крепости были дешевы и строились быстро. Еще одно преимущество: замки этого типа практически не зависят от условий местности, их можно возводить везде, где требуются укрепления. Холм с крутыми склонами иногда был естественным, а иногда искусственным, частично образованным за счет вынутой из рва земли. С плоским верхом, более или менее круглый – от тридцати до девяноста метров в диаметре у основания и от трех до тридцати метров высотой – холм был увенчан бревенчатым частоколом. «Главная цитадель или башня» была скромной постройкой, обычно – деревянным срубом, но там, где было много камня, порой использовали его. Совсем небольшая, она могла вместить разве что кастеляна (смотрителя замка) и его семью. Пространство на вершине холма было слишком тесным, гарнизон с животными и припасами размещался там только в экстренных случаях.

Поэтому у подножия замка расчищали значительно большую по размерам территорию, окруженную собственным рвом и палисадом и соединенную с верхним укреплением посредством наклонной эстакады и подъемного моста. Этот нижний двор имел приблизительно круглую или овальную форму; очертания его зависели от особенностей местности. Иногда дворов было два или даже три, перед рвом или по обе его стороны. Смысл заключался в том, чтобы гарнизон использовал все пространство замка в повседневном быту и мог отражать не самые сильные атаки. В случае серьезной опасности все поднимались на вершину холма.

Курганно-палисадные замки редко встречались в Англии, но их было много на континенте. Разумеется, фортификация – это древнее искусство, практиковавшееся в Европе еще до римлян. Король Гарольд построил замок в Дувре на месте римского форта, частично используя его конструкции; тот, в свою очередь, возник на месте твердыни железного века. Римские легионы славились своим умением возводить укрепления – стены и рвы появлялись в считанные часы там, где разбивался лагерь. Если же легион долго оставался на одном месте, он превращал этот временный *castrum* в постоянную каменную крепость. По меньшей мере восемь римских крепостей на бывшем «саксонском берегу» в Восточной Англии служили в XIII и XIV веках для борьбы с пиратами. Римляне возводили большие каменные крепости повсюду, нередко используя руины железного века, как в Дувре. Еще один пример перестройки предшествующего сооружения – громадное укрепленное поселение Старый Сарум.

Однако римские постройки не являлись «замками» в позднейшем смысле этого слова. То были укрепления, рассчитанные на крупные гарнизоны из профессиональных солдат, и потому от них самих не требовалось большой оборонительной мощи. Как и Адрианов вал, крупнейшее фортификационное сооружение римских времен в Британии, они выполняли свои функции только тогда, когда были полностью укомплектованы людьми.

Бурги (*burh*), которые строили саксы, пришедшие на смену римлянам, тоже были укреплениями, но не замками. Они представляли собой находившиеся в общинной собственности стены, защищавшие город и заключающие внутри себя куда большую площадь, чем стены замка; их оборонял значительный гарнизон. Протообраз настоящего замка, которому требовалось небольшое число защитников, появился у «восточных римлян» – византийцев. Особенно много таких сооружений было возведено во время кампаний Велизария в Северной Африке (VI век). Аин Тунга (современный Тунис) представляла собой многоугольник из стен толстой кладки, с высокими башнями по углам и воротной башней, прикрывавшей вход. Одна из угловых башен была приспособлена для того, чтобы служить последним убежищем гарнизона. Европейцы, которые следовали византийским образцам, позднее назовут ее донжоном. Мусульмане, перенявшие византийское искусство оборонного зодчества, построили в Испании (VIII–IX века) на вершинах холмов сотни замков, усиленных квадратной башней. Эту модель впоследствии, во время Реконкисты, заимствовали христиане.

Настоящие замки – укрепленные жилища – впервые стали появляться в Северо-Западной Европе в IX веке, поскольку именно тогда свои опустошительные набеги совершали викинги и сарацины. В 863 году, когда Карл Лысый, внук Карла Великого, приказал строить замки для защиты от захватчиков, этот процесс, вероятно, уже шел. Каролингское государство не было централизованным, а значит, новые твердыни предстояло возводить герцогам, графам и баронам, которые селились в них с семьями, слугами и вооруженной челядью. С учетом развития технологий и состояния экономики, замки строились из земли и дерева. Курганно-палисадные замки, сооруженные на скорую руку, стали вырастать во Франции, в Германии, Италии, Нидерландах.

Строительство замков сильно повлияло на европейский политический ландшафт. Замок не только препятствовал вторжению в тот или иной регион, но и позволял эффективно контролировать местное население. Обе эти особенности хорошо осознавались в Западной Европе, где обладатели замков вскоре стали обладателями власти, никем не оспариваемой.

Но когда Вильгельм вторгся в Англию, королю Гарольду, чьи замки были немногочисленными и рассеянными по всей стране, пришлось поставить судьбу королевства в зависимость от одного главного сражения. 14 октября, в кровавой битве при Гастингсе, его войско сражалось храбро, но потерпело поражение – видимо, из-за уловки нормандских конников: изобразив бегство, те выманили с холма часть защитников. Гарольд пал вместе со своими двумя братьями и большинством лучших воинов.

Такие яростные и решающие битвы были характерны для XI века. На севере только что закончились два других сражения, очень похожих на это: Гаральд Гардрад одержал победу над ярлами Мерсии и Нортумберленда при Фулфорде, затем, в свою очередь, был разбит Гарольдом Годвинсоном при Стэмфорд-Бридже. Относительная неэффективность метательного оружия заставляла армии XI века сходиться в ближнем бою. Поэтому неудивительно, что 15 октября Вильгельм, несмотря на большие потери, оказался во главе единственного боеспособного войска в Англии.

Кроме того, после гибели Гарольда и его братьев претензии Вильгельма на престол фактически никем не оспаривались. И все же поразительно, с какой легкостью он завершил покорение Англии. Во многом этому способствовала немногочисленность английских замков. Из существовавших в то время только Дуврский по своему расположению мог доставить неприятности Вильгельму, но гарнизон замка сдался при подходе нормандцев, – вероятно, входившие в него солдаты бились при Гастингсе и были побеждены.

Обеспечив безопасность со стороны моря, Вильгельм пошел на запад и, послав часть своей конницы прощупать оборону Лондона, двинулся по широкой дуге, чтобы отрезать столицу от внутренних областей. Ни один замок не преграждал ему путь, и нормандский герцог окружил Лондон, двигаясь с юго-востока на северо-запад, после чего город сдался. На Рождество Вильгельм был коронован. Короля представили его новым подданным архиепископ Йоркский, говоривший по-английски, и епископ Кутанский, который изъяснялся по-французски. Вскоре лондонцев заставили работать на строительстве замка. Этот первоначальный Тауэр, стоявший внутри римских городских стен, на берегу Темзы, между городом и морем, очевидно, был бревенчато-земляным. Через десяток лет его заменила квадратная каменная громада Белой башни.

В начале 1067 года уезжая из Англии в Нормандию, Вильгельм принял дополнительные меры предосторожности, завершив строительство замка в Винчестере, важнейшем городе Юго-Западной Англии, и вверив его попечению Уильяма Фиц-Осберна, которого Ордерик Виталий называл «лучшим начальником в его армии» и «храбрейшим среди нормандцев». Дуврский замок – сильно укрепленный после взятия – и графство Кент Вильгельм отдал своему единоутробному брату Одо, епископу Байё. Уильям Фиц-Осберн и Одо, правившие в его отсутствие, должны были сооружать новые замки за пределами треугольника Дувр – Лондон – Винчестер. Местное население безжалостно эксплуатировалось на обязательных работах. Соратники Вильгельма «строили повсюду замки и терзали несчастных людей»¹, мрачно повествует «Англосаксонская хроника».

Во время отсутствия Вильгельма на юго-востоке страны вспыхнуло восстание, поддержанное графом Юстасом Булонским, недовольным французским бароном. То была непредвиденная потенциальная опасность для властей. Мятежникам не удалось захватить Дуврский замок, и в результате внезапной вылазки гарнизона они были разбиты. К Рождеству 1067 года Вильгельм вернулся в Англию, но в следующие три года вспыхнули новые восстания, которые иногда поддерживались из-за границы – из Дании, Шотландии и Уэльса. Ответ Вильгельма был всегда одинаковым: подавить мятеж и возвести новый замок. «Он препоручал замки некото-

¹ Здесь и далее «Англосаксонская хроника» цитируется в перев. З. Метлицкой.

рым из своих храбрейших нормандцев, – пишет Ордерик, – раздавая им обширные владения и тем побуждая их бодро переносить тяготы и опасности, сопряженные с их защитой».

После Гастингса Вильгельм конфисковал земли англосаксов, павших в бою, чтобы вознаградить своих соратников. Однако большая часть владений английской знати оставалась нетронутой. Теперь же он отбирал английские земли направо и налево, «жалуя ничтожнейших из своих нормандских последователей богатством и властью», по замечанию Ордерика. Несколько тысяч землевладений, принадлежавших разным собственникам, были сведены менее чем в две сотни крупных поместий – «пожалований»; почти все они находились в руках нормандцев. Если же английский землевладелец сохранял свои угодья, он опускался на одну ступень в феодальной иерархии, попадая в подчинение нормандскому сеньору, который становился королевским ленником. Все графство Херефорд на границе с Уэльсом отошло Уильяму Фиц-Осберну, верному слуге герцога и его правой руке. Фиц-Осберн перенес свою главную резиденцию из Дувра в Чепстоу – или Стригуил, как его порой называли, от уэльского слова, означающего «излучина» (на реке Уай).

То ли из-за обилия камня, то ли из-за стратегического положения замка – а может, по обоим причинам – Фиц-Осберн решил сделать его каменным. Поэтому прямоугольный донжон, поднявшийся на узком гребне над Уаем, стал одним из самых мощных в нормандской Англии: угрожающая громада намекала на то, что она не только призвана сдерживать валлийцев, но и может стать плацдармом для завоевательного похода.

Чепстоу был одним из немногих англо-нормандских замков, который не господствовал над городом. Порой не город предшествовал замку, а наоборот; ремесленники и торговцы селились близ замка, чтобы иметь защиту и обслуживать его обитателей. В Англии примером такого города, порожденного замком, является Ньюкасл-апон-Тайн, выросший вокруг твердыни, которую возвел Роберт, сын Вильгельма Завоевателя, для контроля над переправой через Тайн. Таково же происхождение ряда крупнейших городов Фландрии: Гента, Брюгге, Ипра.

К 1086 году, когда по повелению Вильгельма была составлена «Книга Страшного суда» – подробная опись завоеванных им земель, – нормандцы, ставшие хозяевами страны, уже держали Англию железной хваткой. Во всей стране к югу от Йоркшира только двое урожденных англичан стали баронами, получив звание главного королевского ленника. Английский хронист Уильям Малмсберийский отмечал: «Пожалуй, поступкам короля, бывшего временами довольно суровым к англичанам, можно найти оправдание, ибо он мало кого из них считал преданным. Все это так досаждало ему, обладателю свирепого нрава, что он отнял у знатнейших из них сперва богатство, затем землю и наконец – кое у кого – жизнь».

Вильгельм скончался в следующем, 1087-м году, оставив старшему сыну Роберту свое старейшее и самое богатое владение – Нормандию, а младшему, Вильгельму Руфусу, – недавно завоеванную Англию. Что касается Англии, то, хотя она была усмирена при помощи узды из замков, сами замки стали играть теперь новую роль. Сделавшись центрами местной власти, которой никто не мог бросить вызов, они подрывали преданность королю своих хозяев-нормандцев: те пренебрегали феодальными обязанностями, стремясь утвердиться в качестве мелких суверенов. В 1071 году верного монарху Уильяма Фиц-Осберна убили во Фландрии, и его владения были поделены между сыновьями. Младший, Роджер де Бретей, унаследовал английские владения отца, включая замок Чепстоу. В 1074 году Роджер и его зять Ральф де Гвадер, граф Норфолкский, родом из Бретани, подняли мятеж, «укрепляя свои замки, готовя оружие и собирая воинов». Король Вильгельм подавил это восстание нормандцев – как до того многие мятежи, поднимавшиеся англичанами, – и попытался задобрить вожakov. Плененному хозяину Чепстоу он прислал на Пасху ящик с дорогими одеяниями, но затаивший злобу Роджер бросил королевские дары в огонь. После этого Роджера обрекли на пожизненное заключение и отобрали у него Чепстоу.

Если на 1066 год в Англии имелось около полудюжины замков, то к XII веку их стало уже более пятисот. Большинство были деревянными, но в следующем столетии почти все их перестроили в камне: этому способствовала революция в инженерном деле, прокатившаяся по Европе. Новые методы ведения военных действий и рост богатства возрождавшегося Запада, благодаря которому короли и знать увеличили свои доходы от налогов, пошлин, рыночных сборов и аренды, привели к массовому строительству замков от Адриатики до Ирландского моря.

Усложнение устройства замков было вызвано исключительным событием, которое в конце XI века называли Крестовым походом, а позднее – Первым крестовым походом. Большинство крестьян и рыцарей, которые по суше или по морю добрались до Святой земли и не погибли в боях, вскоре вернулись домой. Защиту завоеванных территорий доверили горстке рыцарей, по большей части членам новых военно-религиозных орденов, тамплиерам и госпитальерам. Разумеется, они прибегли к тому же средству, что и Вильгельм Завоеватель, но их замки с самого начала были большими и сложными каменными сооружениями. Крестоносцы воспользовались строительными навыками своих недолговечных союзников-греков и своих противников-турок, добавив к этому собственный опыт. Результатом стал поразительный рывок вперед – к массивной, хитроумно распланированной крепости с прочной каменной кладкой. Замки нового образца мгновенно обрели популярность на западе Европы, включая Англию.

На континенте, где условия были более благоприятными, еще до Первого крестового похода порой возводили мощные каменные донжоны. Примерами служат замок Ланже на Луаре, построенный Фульком Неррой около 1000 года, замок Брионн в Нормандии (начало XI века), донжоны, сооруженные нормандцами в Южной Италии и на Сицилии в XI веке. Территории вокруг таких каменных донжонов, вероятно, обносились бревенчатым частоколом. В период между Нормандским завоеванием и Первым крестовым походом некоторое количество каменных замков появилось и в Англии.

Часть этих новых сооружений представляла собой плод эволюции курганно-палисадных замков, превращенных в шелл-кипы (*shell-keep*) путем возведения каменной стены, заменившей бревенчатый частокол на вершине холма. Внутри этой новой стены возникали жилые постройки, обычно деревянные: они либо примыкали к стене и выходили в центральный двор, либо представляли собой отдельно стоящие здания.

Во многих случаях холм оказывался слишком мягким и не мог выдержать вес каменной стены; приходилось возводить новое укрепление ниже, у подножия холма, где почва была тверже. Эти новые донжоны, как правило, были прямоугольными в плане. Иногда они воздвигались на возвышении или на каменистом грунте, но местоположение все еще не стало важным фактором. Новые прямоугольные донжоны, выраставшие в Северной Франции на протяжении XI века, строились как на возвышениях, так и в низинах, в Англии же, помимо Чепстоу, замка Уильяма Фиц-Осберна, появились лондонская Белая башня и донжоны в Кентерберии и Колчестере. Старую деревянную ограду двора у подножия холма заменила прочная стена из тесаного камня с включением щебня. Стена была зубчатой, чередование выступов и промежутков между ними придавало ей характерный силуэт. Для ее усиления возводились башни.

В XII веке число прямоугольных каменных донжонов умножилось. В Англии такие твердыни выросли в Дувре, Кенилворте, Шерборне, Рочестере, Хедингеме, Норвиче, Ричмонде и в других местах; толстые стены поднимались на двадцать метров и даже выше. Вход обычно делался во втором этаже, к нему вела лестница, примыкавшая к донжону, – ее часто заключали внутрь пристройки, обеспечивавшей защиту. На этом же этаже располагалось главное помещение, большой зал, к которому примыкали другие комнаты; первый этаж, с узкими окнами или вовсе без окон, служил кладовой. Задние, или вторые, ворота, защищенные башнями, часто находились с другой стороны замковой стены. Донжон всегда снабжался колодцем, который

нередко прорывали на большую глубину. Труба из колодца поднималась на два или три этажа, и на каждый из них подавалась вода.

Постепенно выявились недостатки прямоугольного донжона. Его углы были уязвимы для подрыва и плохо выдерживали удары тарана; кроме того, в распоряжении атакующих оказывалось необстреливаемое пространство. Византийцы и мусульмане первыми начали строить круглые и многоугольные башни, не дававшие врагу укрыться ни в одном месте. Но прямоугольная форма позволяла лучше организовать внутреннее пространство, поэтому отход от нее был постепенным. Некоторое время строители пробовали возводить башни, которые были круглыми снаружи и квадратными внутри, или обносили донжон высокой стеной – «рубашкой». От ворот «рубашки» отходила лестница, примыкавшая к ее внутренней стороне. По ней поднимались к проходу, который соединялся с донжоном при помощи мостика или насыпи с подъемной секцией. Мостик убирался на платформу перед входом либо снабжался петлями с внутренней стороны и цепями – с наружной: при подъеме он вставал вертикально перед воротами, образуя дополнительную преграду. Иногда он вращался в горизонтальной плоскости: внутренняя секция заходила в специальное углубление, а внешняя поднималась, закрывая ворота. Врагам надо было преодолеть ворота, взобраться по лестнице, воспользоваться проходом в стене и выйти на насыпь, так что они становились уязвимыми для атаки со всех сторон.

Башня Цезаря в Провене, к востоку от Парижа, была возведена в середине XII века на холме, где раньше возвышался курганно-палисадный замок. Ее донжон был квадратным в нижней части и круглым – в верхней; соединительным звеном между ними служил восьмиугольный второй этаж. По углам располагались четыре полукруглые башни. Зубчатая «рубашка» шла вдоль рва и спускалась во двор у подножия холма. Дугообразная лестница вела по холму к «рубашке», соединенной с донжоном при помощи насыпи и подъемного моста.

Появлялись и другие усовершенствования. Подъемные двери с дубовыми накладками, окованные железом, управлялись из помещения, находившегося выше, посредством системы канатов (или цепей) и шкивов, усиливая защиту входа. Возводились машикули – навесные бойницы в верхней части стены, откуда можно было метать снаряды или лить кипящую жидкость: поначалу они были деревянными, затем каменными. Куртины защищались при помощи башен, стоявших достаточно близко друг к другу, чтобы можно было контролировать соответствующий участок стены. Чуть ниже зубцов в куртинах прорезали узкие вертикальные бойницы, расширявшиеся внутрь. Это позволяло лучнику, оборонявшему замок, перемещаться в разные стороны, увеличивая таким образом сектор обстрела; снаружи в война было трудно попасть из-за узости отверстия. Иногда устраивались ниши с внутренней стороны стены, чтобы защитник замка мог присесть.

В конце XII века старые замки начали перестраиваться с учетом развития военных технологий. Генрих II возвел в Дуврском замке большой внутренний донжон прямоугольной формы; стены его, высотой двадцать пять метров и толщиной пять-шесть метров, были снабжены сложными оборонительными сооружениями. Самый известный из владельцев Чепстоу Уильям Маршал воздвиг новую куртину с воротами и башнями вокруг восточного внешнего двора: это была одна из первых в Англии оборонительных построек с круглыми крепостными башнями и полноценными бойницами. Во второй половине XIII века сыновья Уильяма добавили к этому барбакан с западной стороны, окруженный рвом и прикрытый башней. С восточной стороны появился новый внешний двор большого размера: по обеим сторонам от подъемных ворот стояли башни и, кроме того, защиту входа обеспечивали две линии машикулей. Их наследник Роджер Биго соорудил для защиты барбакана западные ворота, работа над которыми завершилась около 1272 года, а также массивную башню Мартена (начата около 1283 года, закончена в 1290-е) в юго-восточном углу замковой стены. Усиление защиты позволило возвести новый комплекс жилых построек вдоль северной стены, включая просторный большой зал, полностью отделанный ко времени визита Эдуарда I в декабре 1285 года.

В XIII веке опыт Крестовых походов учитывался в еще большей степени. Замки по возможности строились на вершине холма, причем внутренний двор примыкал к крутому склону, а главные оборонительные сооружения выходили на пологий. Уязвимую сторону порой прикрывали две или три линии мощных укреплений: это позволяло жить не в донжоне, а в более удобных строениях вокруг надежно защищенного двора, как в Чепстоу. Здания часто сооружались из бревен, а донжон – теперь, как правило, круглый в плане и меньший по размерам, чем ранее, но лучше укрепленный – являлся последней линией обороны и служил во время осады командным пунктом для владельца замка или кастеляна. Лестницы и проходы, частью потайные, облегчали передвижения защитников. Иногда донжон был отделен еще одним рвом с подъемным мостом, окруженным «рубашкой».

В завершающий период, примерно с 1280 по 1320 год, при Эдуарде I, в Англии (главным образом в Уэльсе) строились замки, которые входят в число самых мощных за всю историю человечества. Эдуард увез от своего внучатого племянника, графа Филиппа Савойского, превосходного архитектора – Джеймса из Сент-Джорджа. Тот руководил группой мастеров-строителей, набранных по всей Европе, и рабочими, число которых временами доходило до полутора тысяч. Джеймс получал чрезвычайно высокую плату, кроме того, ему и его жене полагалась пожизненная пенсия.

Джеймс не отказывался от сильных передовых укреплений, но основное внимание уделял квадратному в плане замку, окруженному двойной линией стен, с солидной башней в каждом углу внутренней стены. Донжона не стало – в нем отпала необходимость благодаря хорошо продуманным стенам и воротным укреплениям, которые могли держаться, даже если враг занимал внутренний двор. Возможности для обороны еще больше расширялись благодаря многочисленным воротам, прикрытым оборонительными сооружениями. В Конвее Джеймс возвел стену и восемь башен вдоль высокой скалы, близ устья реки; ворота с каждой стороны защищались барбаканом. Внутри замок делился надвое стеной, с каждой ее стороны был устроен двор. Во внешнем дворе располагались большой зал и казармы гарнизона, во внутреннем – королевские апартаменты и жилые помещения. Чтобы оказаться внутри замка, надо было пройти по подъемному мосту, затем по крутой лестнице и миновать трое укрепленных ворот, которые могли обстреливаться со всех сторон – из башен и со стен. В Карнарвоне, Харлехе, Флинте, Бомарисе и Денби укрепления также были искусно приспособлены к рельефу местности. Все эти замки стояли в Северном Уэльсе, близ побережья, в местности, где упорные валлийцы оказывали самое сильное сопротивление. В Южном Уэльсе Гилберт де Клер, граф Глостер, чье семейство некогда владело Чепстоу, воздвиг великолепный замок Кайрфилли. Место было живописным и выгодным для обороны: остров посреди озера. Помимо двойных стен с четырьмя могучими башнями, был возведен барбакан с собственной – пятой – башней.

Таким образом, первые замки – частные дерево-земляные крепости – появились на Европейском континенте в X веке. В Англии их первыми стали сооружать нормандцы. В XI и XII веках строились уже каменные замки с шелл-кипами и прямоугольными донжонами, техника строительства сделалась намного более изощренной благодаря опыту, полученному крестоносцами в Сирии. Наконец, в XIII веке на западном побережье Британии возникли лучшие образцы замков.

Глава II. Владелец замка

В англосаксонской Англии не было не только замков, но и социально-экономической системы, необходимой для их появления. «Феодализм» – термин, придуманный позднее для обозначения господствовавшей в Средние века формы общественного устройства, – к 1066 году еще не сложился в Британии. Напротив, в Нормандии, на родине завоевателей, уже были развиты все составляющие феодального строя. Это подразумевало принятие взаимных обязательств сеньором и его вассалом, подкрепленное совместным контролем над землей, основным богатством в то время. Сеньор, король или аристократ, был формальным владельцем земли, которую он давал в пользование вассалу и требовал от него службы, преимущественно военной. Вассал не обрабатывал землю сам, а предоставлял ее крестьянам на определенных условиях, которые в эпоху раннего Средневековья были закреплены официально.

Вильгельм и его нормандцы принесли феодализм в Англию – не только потому, что они привыкли к этой форме социально-политического устройства, но и потому, что он отвечал их потребностям в отношении завоеванной территории. Действительно, Вильгельм изъяс всю землю – пашни, леса, болота – у светских владельцев, взял немалую часть (около одной пятой) для королевского домена, а остальное разделил между своими светскими вассалами в обмен на выставление определенного числа рыцарей. Владения церкви, поддержавшей завоевание, не тронули, хотя прелаты, как и светские феодалы, были обязаны выставять рыцарей. Одинадцать главнейших аристократов, служивших Вильгельму, получили около четверти всей Англии. Эти громадные пожалования – сотни квадратных километров – подразумевали последующую «субинфеодацию» (опять же позднейший термин) – передачу части вассального держания более мелким вассалам. Чтобы выполнять свои военные обязанности по отношению к королю, феодал раздавал своим вассалам рыцарские фьефы в обмен на службу. К моменту вступления на престол Генриха I (1100) этот процесс зашел довольно далеко, и Англия стала, пожалуй, более «феодальной», чем Нормандия.

Блестящие владельцы замка Чепстоу были типичными представителями нормандской знати XII века. После того как сын Уильяма Фиц-Осберна впал в немилость и подвергся заключению, замок отошел королю, но потом – не позднее 1119 года – Генрих I пожаловал Чепстоу, вместе с прилегавшими к нему обширными владениями, своему родственнику и верному стороннику Уолтеру де Клеру. Последний остался в народной памяти как основатель Тинтернского аббатства, одного из величайших монастырей средневековой Англии. Затем Чепстоу достался его племяннику Гилберту Фиц-Гилберту де Клеру, энергично расширявшему владения своего семейства в Уэльсе; в 1138 году он стал графом Пембруком. Гилберт, получивший прозвище Стронгбоу (Тугой Лук), устраивал заговоры и поднимал оружие против короля, но впоследствии совершил резкий разворот и примирился с ним, женившись на Изабелле Лестерской, любовнице Генриха. Их сын Ричард Фиц-Гилберт, также носивший прозвище Стронгбоу, стал одним из известнейших нормандских воинов-авантюристов своего времени. В 1170 году он завоевал большую часть Ирландии, занял Уотерфорд и Дублин и вернул трон Диармайту мак Мурхаде, королю Лейнстера, в обмен на руку его дочери и право наследования престола. После смерти Диармайта Стронгбоу сохранил свои завоевания, защитив Дублин в ходе двухмесячной осады, устроенной другим ирландским королем. Он также подал пример лояльности (и политической дальновидности), признав себя вассалом нового короля Англии Генриха II Плантагенета.

Единственный сын Ричарда умер ребенком, и его дочь Изабелла унаследовала громадные владения семейства Клер в западной Англии, Уэльсе и Ирландии. Выбор супруга для нее, разумеется, был чрезвычайно важен с точки зрения короля. Генрих II, как всегда, воспользовался своим правом сеньора с большим благоразумием, и Изабеллу обручили с безземельным, но

видным сторонником короля Гийомом ле Маршалем (Уильямом Маршалом). Один из самых уважаемых рыцарей тех времен, он являл собой превосходный пример восхождения по социальной лестнице – характерного признака эпохи замков.

Дед Уильяма Маршала звался просто Гилберт, будучи главным конюхом (*maréchal*) королевского двора при Генрихе I, откуда и произошла вторая часть имени. Должность была достаточно прибыльной: Гилберту приходилось защищать ее в судах от соперников. Джон, его сын, продолжил эту борьбу и совершил следующий шаг, сделав должность наследственной. Одержав победу, он взял себе имя с аристократическим звучанием: Джон Фиц-Гилберт Маршал.

В хронике, описывающей войну за английский престол между Стефаном Блуаским (племянником Генриха I) и Матильдой Анжуйской (дочерью Генриха I), Джон Маршал именуется «исчадием ада и корнем зла». Внимание хронистов в особенности привлекли два примера его отважного поведения. Вставший на сторону Матильды Джон оказался в отчаянном положении: прикрывая отход ее войска, он заперся в церкви с горсткой своих приближенных. Воины Стефана подожгли здание, и Джон с одним из товарищей забрался на колокольню. Свинцовая крыша церкви расплавилась, горячий металл стал капать на лицо Джона, лишив его глаза. Враги решили, что он навсегда погребен среди дымящихся развалин, но Джону удалось выбраться.

Спустя несколько лет, пережив еще много приключений, Джон был вынужден отдать в заложники Стефану, ставшему королем, своего малолетнего сына Уильяма. Стефан хотел обезопасить себя от измены во время перемирия. Это не помешало Джону совершить предательство и начать укреплять замок, который осаждал король. Стефан пригрозил повесить Уильяма, если замок не будет сдан. Угроза не возымела действия – Джон холодно ответил, что у него «есть молот и наковальня, чтобы выковать сыновей лучше этого».

На следующий день маленького Уильяма привели к подножию дуба, но его жизнерадостный и невинный вид тронул Стефана, куда более мягкого по натуре, чем Джон Маршал. Король вернулся в свой лагерь вместе с мальчиком, не допустив, чтобы его повесили или (еще один совет людей из его окружения) перебросили через стены замка с помощью катапульты. Позже видели, как король с юным Уильямом играли в «рыцарей», взяв цветы подорожника, и оглушительно хохотали, когда Уильям снес голову королевскому подорожнику. Добросердечие монарха вызывало в то время почти так же мало восхищения, как жестокость Джона Маршала. В «Англосаксонской хронике» кратко сказано: «То был кроткий, мягкий и добрый человек, который не поступал по справедливости».

Благодаря тому, что Стефан не поступал по справедливости, Уильям Маршал вырос и стал одним из самых выдающихся владельцев замка Чепстоу и самым знаменитым рыцарем того времени. Столь же доблестный воин, как отец, но не унаследовавший его склонности к жульничеству, Уильям служил сперва Стефану, потом его преемнику Генриху II (сыну Матильды Анжуйской, потерпевшей поражение), от которого и получил Чепстоу вместе с Изабеллой де Клер, «девицей из Стригуила, доброй, красивой, учтивой и мудрой», как писал биограф Уильяма. Этот дар был подтвержден следующим королем, Ричардом Львиное Сердце, который великодушно (или дальновидно) позабыл о прошлом: Уильям сражался против Ричарда, когда тот поднял мятеж против своего отца. Будучи членом Королевского совета, Уильям служил Ричарду и его брату Иоанну много лет и сыграл чрезвычайно важную, а может быть, и решающую роль в принятии Великой хартии вольностей. После смерти Иоанна он сумел справиться с мятежной знатью, поддерживавшей принца Людовика Французского. За этим последовал период регентства, на которое Уильям согласился – хотя и с неохотой, – сознавая свою ответственность перед государством. Будучи регентом, он упрочил власть юного Генриха III.

После смерти Уильяма замок Чепстоу и титул графа Пембрука переходили по очереди к каждому из пяти его сыновей. Уильям Маршал II умер в 1231 году, ему наследовал его брат

Ричард, убитый в Ирландии (1234) – возможно, по наущению Генриха III. Третий сын Гилберт погиб в 1241 году в результате несчастного случая на турнире в Хертфорде. Четыре года спустя скончался Уолтер Маршал, пятый брат Ансельм пережил его лишь на восемь дней. Так сбылось проклятие, произнесенное после смерти их отца епископом Фернса (Ирландия). Уильям присвоил два принадлежавших епископу поместья, и тот отлучил его от церкви. На Уильяма Маршала это не оказало никакого действия, но молодой король Генрих III был взволнован и пообещал вернуть поместья, если епископ посетит могилу Уильяма и снимет отлучение. Епископ отправился в церковь Темпла, где был похоронен Уильям, и в присутствии короля и придворных обратился к мертвецу – по словам Матвея Парижского – «как к живому». «Уильям, если владения, которых ты несправедливо лишил мою церковь, будут возвращены... я отпущу тебе грехи; если же нет, я подтверждаю свой прежний приговор, так что, погрязнув в грехах, ты будешь проклят и навечно останешься в аду». Королю не очень понравилась речь епископа, но он велел Уильяму Маршалу II вернуть поместья. Тот отказался, и братья поддержали его. Молодой король не предпринимал больше попыток примирения, и епископ произнес проклятие: «Да изгладится имя их в следующем роде [слова из псалма], да обойдет его сыновей благословение Господа: „Плодитесь и размножайтесь!“ Некоторые из них умрут жалкой смертью, а наследство их будет рассеяно». И действительно, семейство Маршал утратило замок Чепстоу, так как после смерти Ансельма (1245) он отошел к Матильде, дочери Уильяма.

После смерти Матильды (1248) король уже не мог распоряжаться Чепстоу: Матильда была вдовой, а дети ее достигли совершеннолетия. Ее муж принадлежал к семейству Биго, занявшему видное положение после завоевания Англии нормандцами. Новым хозяином Чепстоу стал Роджер Биго, имевший также титулы графа Норфолка и графа-маршала Англии – единственный в своем роде: эта честь была оказана Уильяму Маршалу, затем титул официально стал наследственным. Таким образом, слово «маршал» совершило полный круг, вначале означая должность, затем фамилию и наконец дворянский титул.

Если бы король мог выбрать супруга Матильде, он, несомненно, не посмотрел бы на представителя семейства Биго, одного из самых строптивых во всем королевстве. Роджер Биго походил скорее на своих ближайших предков, чем на верного королю Уильяма Маршала. Он участвовал в мятеже Симона де Монфора против Генриха III, потом перешел на другую сторону и сражался против Монфора при Льюисе (1264). Роджеру наследовал племянник, носивший такое же имя, который, подобно ему, вел борьбу против короля в течение многих лет.

Индивидуализм – свойство всех Биго, которое заслуживает быть отмеченным: в этом смысле Уильям Маршал был не похож на них. Тем не менее хозяева Чепстоу имели много общего с другими крупными феодалами Англии времен раннего Средневековья – да и со всеми европейскими феодалами. Одной из этих общих черт, пусть и не самой важной, была «французскость»: Клеры, Маршалы, Биго, французы по происхождению, в течение нескольких поколений продолжали говорить на французском, языке знати. Они были французами и в других отношениях, как и фламандские, испанские, немецкие аристократы того времени. Франция дала дворянству не только язык, но и стиль жизни, элементами которого стали Крестовые походы, *chanson de geste*, поэзия труверов и трубадуров, рыцарские турниры, замки, архитектура соборов.

Гораздо более глубоко укорененным свойством хозяев замков была любовь к земле. Жизнь их определялась получением, сохранением и увеличением угодий куда больше, чем всемерно подчеркиваемой любовью к походам и битвам. Управление поместьем, даже не таким громадным, как Чепстоу, отнимало массу сил и времени. Даже сгорая от любви к сражениям, феодал не мог пренебрегать своими владениями. В XII и XIII веках многие оставались в стороне от войн, порой чрезвычайно прибыльных, и, более того, упорно отказывались участвовать в них, поскольку это требовало длительной отлучки. Лишь немногие английские феодалы – с XIII века это касалось и феодалов континентальной Европы – отправлялись в Крестовые

походы: Святую землю защищали в основном рыцари-тамплиеры и наемники. Английские аристократы нисколько не желали защищать даже французские владения своего короля. Роджер Биго, будущий хозяин Чепстоу, и другие представители знати с неохотой ехали во Францию вслед за Генрихом III (1242) и воспользовались первой же возможностью для протеста: король, по их словам, «неосмотрительно оторвал их от домашних очагов», к которым они тут же вернулись.

Земля определяла статус феодала; жизнь на земле, землей и для земли, без сомнения, оказывала влияние на его личность. Земли служили источником дохода, а те, которые не обрабатывались, использовались для охоты.

Разумеется, феодал интересовался политикой, но почти всегда лишь в той мере, в какой та была связана с экономикой землепользования. Если монарх начинал предъявлять чрезмерные требования или интересы феодала диктовали именно такой образ действий, последний почти всегда поднимал мятеж, несмотря на клятву верности. Он заседал в Королевском совете и в органе, который с XIII века стали называть парламентом: отчасти для того, чтобы помочь королю в принятии решений, но прежде всего – для защиты собственных интересов.

Дни феодала обычно были насыщенными, приходилось уделять внимание политике и управлению поместьями. Если он не воевал, то отнюдь не прохлаждался в собственном замке и едва находил время, чтобы справляться с многочисленными обязанностями. Возьмем Чепстоу: его первые хозяева, Фиц-Осберны и Клеры, были «пограничными графами» (*marcher earls*), получив полномочия, связанные с охраной границы, а Маршалы и Биго имели титул графов-маршалов. Владельцы этого замка выполняли важнейшие функции – правоохранные, судебные и фискальные. Полномочия, которыми король наделил «пограничных графов», давали им независимость, во многом схожую с той, которой на континенте пользовались герцоги, графы и епископы, лишь номинально зависевшие от монарха и даже присваивавшие себе королевские права (например, право чеканки монеты).

В Англии большинство нормандских аристократов зависели от короны не в пример сильнее. В 1086 году – местом действия стал Старый Сарум, бывшая римская крепость, – Вильгельм Завоеватель принял оммаж и клятву верности от «всех владельцев земли, кем бы они ни были», то есть не только от двух сотен крупных феодалов, но и от их вассалов. Преемники Вильгельма продолжили наступление на привилегии знати. Крупные землевладельцы постепенно утратили право выносить решения по уголовным делам. При Генрихе II Королевский совет (*Curia Regis*) стал исполнять функции апелляционного суда. Жалобы принимали и королевские выездные суды (*eyre*), объезжавшие провинции и графства для урегулирования имущественных споров: эта практика была узаконена в конце правления Генриха II.

Последний также сыграл решающую роль в возникновении суда присяжных. После 1166 года эти суды на постоянной основе рассматривали уголовные и важнейшие гражданские дела, основываясь на старых кодексах саксонских королей, феодальных обычаях, принесенных из Нормандии, и новых указах. Приговоры были суровыми: воров вешали, предателей ослепляли, остальным наносили увечья. Порой преступника потрошили и четвертовали. Узника в ожидании выкупа или приговора могли поместить в башню или подвал замка, но заключение как таковое в Средние века редко применялось в качестве наказания. Английское слово «dungeon» (от *donjon* – башня) приобрело значение «тюрьма» позднее, когда многие замки стали использоваться в этом качестве.

Правосудие, хотя и скорое, вовсе не было непросвещенным. пытки применялись редко даже для получения признаний от воров: в признании почти не было необходимости, если кого-нибудь поймали с краденым. Из материалов многих судебных дел, гражданских и уголовных, видно, что для установления истины прилагалось немало усилий, и часто к подсудимым относились мягко. В XIII веке худшие из варварских практик прошлого были оставлены. В 1215 году Латеранский собор осудил ордалии, во время которых ответчик должен был доказать свою

правоту, держа в руках раскаленное железо и не получая ожогов или опускаясь на дно, будучи брошенным в воду. В 1219 году этот обычай был запрещен в Англии. Судебный поединок, в ходе которого ответчик или его представитель сражался с обвинителем, продержался дольше.

В континентальной Европе правосудие делилось на высшее и низшее. Высшее правосудие – разбор дел по таким преступлениям, как физическая расправа, поджог, изнасилование, похищение людей, измена, фальшивомонетничество и обмер, – вершили короли, герцоги, графы, епископы, аббаты и прочие крупные феодалы. Сложность феодальной системы приводила к появлению особых ситуаций, когда феодал мог оставить низшее правосудие за собой, или передать его другому феодалу, или сохранить за собой денежные штрафы, отказавшись от конфискации собственности. Крупные феодалы в Англии и на континенте, разумеется, не председательствовали в судах лично, их представляли прево и сенешали.

Лишившись немалой доли судебной власти, а следовательно, и крупных поступлений от штрафов и конфискаций, английские феодалы решили вознаградить себя, войдя в правительство. Самой важной была должность юстициария королевства: ее ввел Генрих I, а Генрих II сделал постоянной – юстициарий при нем стал кем-то вроде первого министра. В XIII веке она исчезла. Далее следовали канцлер, камергер, казначей, маршал и коннетабль, за ними – младшие юстициарии или заместители юстициария и множество второстепенных чиновников. Что касается местного уровня, то здесь у Вильгельма Завоевателя имелся идеальный полицейский инструмент в виде шерифов, представителей короны в графствах. На эту должность Вильгельм повсеместно назначал своих нормандцев.

Первоначально Вильгельм выбирал чиновников из числа виднейших представителей знати, таких как владеец Чепстоу Уильям Фиц-Осберн. Но многие из них, ставшие вдвойне могущественными благодаря земельным владениям и официальным должностям, стремились к политической независимости, и это привело к смене политики. Главным юстициарием при молодом Генрихе III был Хьюберт де Бург, выходец из рыцарской семьи среднего достатка, получивший почти диктаторские полномочия и громадное богатство, что, видимо, и привело к его падению в 1232 году. После этого должность юстициария стала вакантной, а его полномочия перешли к канцлеру.

Должность шерифа служила источником конфликтов в еще большей мере: непокорный феодал стремился занять ее сам или передать дружественному лицу, проживавшему в этой местности. В XIII веке она стала одним из самых желанных призов в борьбе короля и знати. Лояльный Уильям Маршал служил королю, будучи умелым и верным шерифом (а также маршалом, заместителем юстициария и регентом), но он был исключением. Более типичной фигурой выглядит амбициозный и мятежный Фалькес де Бреоте: будучи шерифом в нескольких графствах одновременно, он в конце концов лишился всех должностей. После победы аристократов в битве при Льюисе (1264) знатные феодалы и их люди везде заменили королевских шерифов, но в следующем году победу одержал уже король (при Ившеме), и феодалов прогнали. Как видно, английским феодалам приходилось прилагать много усилий, чтобы сохранить за собой должность шерифа или заполучить ее: она давала важные полицейские, финансовые и судебные полномочия на уровне графства.

На континенте в царствование Карла Великого (VIII век) местное управление осуществлялось в рамках единицы, очень напоминавшей английское графство – *pagus*, или *comitatus*. Как и графство, оно делилось на сотни (*centenae*), с собственной судебной и полицейской властью. В суде *pagus*'а председательствовал или императорский чиновник – граф, или его заместитель – виконт, исполнявший во Франции те же обязанности, что в Англии шериф. Но континентальная система развивалась совершенно иначе. В XII веке *pagus*'ы со своими судами почти полностью исчезли, а их территория и юрисдикция отошли к местным феодалам, которые часто были потомками императорских чиновников, чьи должности сделались наследственными. Эти феодалы имели собственные суды, где решалось большинство земельных споров,

и являлись основными носителями полицейской и военной власти. В XIII веке французские монархи постепенно расширяли свой домен за счет владений крупных феодалов, но процесс был еще далек от завершения. Бароны и рыцари, куда менее высокопоставленные, занимали в административных органах короля и феодалов различные должности: виконта, судебного исполнителя, сенешаля, городского прево, смотрителя торговой ярмарки и многие другие.

Крупный феодал, даже если он не занимал официальных должностей, был чрезвычайно занят: ему приходилось постоянно объезжать свои владения и проверять, не обкрадывают ли его управляющие и прислуга.

Социальное, экономическое и политическое положение крупного феодала, будь то в Англии или на континенте, всегда определялось двумя понятиями, легшими в основу феодализма: вассалитет и фьеф. К XIII веку оба эти института стали вполне традиционными и даже начали вырождаться, уходя корнями в такое далекое прошлое, что лишь немногие феодалы могли вразумительно их объяснить.

Вассалитет представлял собой зависимость от сеньора – для всех крупных английских феодалов им был король. Фьеф – это земельное владение, пожалованное сеньором вассалу в обмен на службу, или, если давать более строгое определение, комплекс прав на землю, которая в теории по-прежнему принадлежала сеньору.

Феодалные отношения, к XIII веку обросшие множеством дополнительных элементов, изначально были простым экономическим соглашением, средством комплектования войска в те времена, когда денег не хватало. В позднеримскую эпоху возникла процедура коммемдации: человек отдавал себя под покровительство вышестоящего лица, обещая нести военную службу в обмен на поддержку – часто это было земельное пожалование, называемое бенефицием. В VIII веке французские Каролинги быстро расширили сферу действия этого обычая, чтобы удовлетворить потребность в тяжеловооруженных конных воинах. Последняя, в свою очередь, возникла под влиянием новшеств в военном деле: исход битвы определялся схваткой всадников. Значение конного воина заметно возросло, повысился и его социальный статус, символом чего стали более близкие отношения между сеньором и вассалом. Это, в свою очередь, породило новый ритуал коммемдации, отныне включавший клятву верности. Во время коммемдации вассал вкладывал свои руки в ладони сеньора. Клятву приносили на какой-нибудь реликвии – кость святого, его волос или лоскут одежды – либо на Евангелии. Такой договор было нелегко расторгнуть.

Карл Великий дал подробные указания относительно того, в каких (исключительных) случаях вассалу позволительно преступить клятву: если сеньор попытался убить или ранить его, похитить или соблазнить его жену или дочь, отнять часть его земли, обратиться к крепостному и, наконец, если сеньор не смог его защитить. Сеньор не имел абсолютной власти над вассалом; если сеньор обвинял последнего в каких-либо правонарушениях, то был обязан провести открытое разбирательство, причем вассала судил суд равных.

Во времена Карла Великого вассалу, обязанному нести военную службу и являться на лошади, с полным снаряжением, был положен бенефиций размером от трехсот до шестисот акров. Для обработки этой земли требовалось около сотни крестьян. Земельное владение формально принадлежало сеньору, но на практике все чаще передавалось по наследству. Новый вассал совершал обряд коммемдации и давал клятву, как и его отец. Вильгельм Длинный Меч, предок Вильгельма Завоевателя, став герцогом Нормандии в 927 году, «предал себя в руки короля», сообщает хронист Рихер Реймский, «обещал ему хранить верность и подтвердил это клятвой». Пример возобновления вассалитета после смерти сеньора, практиковавшегося в XII веке, мы находим у Гальберта из Брюгге. Речь идет о принятии Вильгельмом Клитоном титула графа Фландрии в 1127 году, когда местные рыцари и бароны принесли оммаж новому графу:

«Граф спросил будущего вассала, желает ли он безраздельно предаться ему, и тот ответил: „Я желаю этого“; тогда, соединив руки и вложив их в руки графа, он скрепил союз поце-

луем. Затем вассал сказал: „Клянусь своей верой, что отныне буду предан графу Вильгельму и буду выполнять свое обязательство, принятое по отношению к нему, против кого угодно, добросовестно и без всякого уклонения“».

Гальберт заключает: «Во всем этом он поклялся на мощах святых. Наконец граф дал инвеституру при помощи палочки, которую держал в руке».

В Англии клятва всегда содержала оговорку о верности королю. Английский учебник права XIII века содержит такую формулировку:

Сложив руки, [вассал] вручает себя, и, держа руки под мантией своего сеньора, он говорит так: «Я становлюсь твоим человеком, принадлежа отныне к дому, который возглавляешь ты, и даю слово стоять против всех в этом мире, кто живет и может умереть, отстаивая честь моего господина Генриха, короля Англии, и его наследников, и других моих сеньоров» – если у него есть другие сеньоры. И он целует своего сеньора.

Церемониальный поцелуй был широко распространен, но не имел такого же значения, как ритуал оммажа и клятва верности.

Вассал брал на себя пассивные и активные обязательства. Пассивные состояли в том, чтобы воздерживаться от причинения какого-либо ущерба сеньору (сдавать замки врагам, наносить урон его землям и другой собственности). Активные заключались в «помощи и совете». Под «помощью» подразумевалось не только несение военной службы, обычно сорокадневной, когда вассал являлся в полном вооружении, один или с рыцарями. Речь шла также о менее обременительной обязанности – шевоше (*chevauchée*); под этим подразумевались небольшие вылазки или попросту сопровождение сеньора верхом, например во время поездки из одного замка в другой. Часто к этому прибавлялись дозорная служба в замке сеньора и необходимость предоставлять свой замок в распоряжение сеньора, когда тот пожелает его посетить. Вассалы оказывали также услуги особого характера. Так, например, главные вассалы парижского епископа обязаны были нести его на плечах после рукоположения, во время торжественного входа в Нотр-Дам; одному из мелких кентских землевладельцев полагалось «держатъ голову короля, будучи в лодке», когда монарх пересекал беспокойный Ла-Манш.

В XII веке появилось еще одно обязательство, придавшее отношениям между сеньором и вассалом новый смысл: выплата так называемых щитовых денег (или скутагия, от латинского *scutum* – щит) взамен воинской службы. Видно, насколько усложнилась экономика Европы со времен Карла Великого. Новый обычай особенно широко распространился в Англии, где Вильгельм Завоеватель стал непосредственным владельцем всей земли, – поступок, невозможный для французского короля или германского императора, чьи домены были включены в систему старинных феодальных отношений. Призывая своих баронов воевать во Франции, Ричард Львиное Сердце предложил, чтобы каждый из них послал всего по семь рыцарей, а остальное восполнил деньгами. Бароны, не желавшие покидать свои замки, пошли на сделку. Ричард тоже остался в выигрыше: вместо вассалов, которые сражались неохотно и чей срок обязательной службы мог закончиться за день до сражения, он получил наемников, послушно выполнявших приказы и воевавших, пока им платили.

«Помощь» включала и финансовые обязательства, не имевшие никакого отношения к щитовым деньгам. Рельеф (*relief*) – так назывался платеж, который вносил вассал при получении феода. Рыцарь в Англии передавал своему сеньору сто шиллингов, крупный феодал – сумму, соответствовавшую размеру его владений (порой тысячу фунтов или даже больше).

Само слово «помощь» в конце концов стало обозначать денежные выплаты, которые в определенных случаях причитались всем крупным феодалам. Общеизвестными были три таких платежа: в случае выкупа сеньора, бракосочетания его старшей дочери и посвящения в рыцари его старшего сына. Все они перечислены в Великой хартии вольностей, причем сде-

лено замечание, что король Англии не может больше ничего требовать от своих баронов. Через шестьдесят лет (1275) в Вестминстерском статуте были указаны размеры «помощи»: двадцать шиллингов за каждый участок земли стоимостью в двадцать фунтов, отданный в держание вассалу. В континентальной Европе получил распространение четвертый вид «помощи» – платежи, предназначенные для финансирования Крестовых походов. «Помощь» предоставляли не только вассалы, но и представители других сословий, включая богатых горожан: на них в этом смысле можно было рассчитывать больше, чем даже на крупных феодалов.

«Совет» подразумевал необходимость являться в замок сеньора по вызову последнего (для главного ленника – в королевский замок), так что вскоре это слово стало обозначать и само такое собрание. Предполагалось, что сеньор спрашивает у вассалов совета относительно главнейших вопросов, имеющих политическое значение: заключение важного брака, начало военной кампании и т. п. Но нередко речь шла о том, чтобы вершить правосудие. Иногда, разрешая спор между двумя тяжбщиками, монарх желал переложить на своего вассала ответственность за ущерб, нанесенный интересам одного из них. Чаще же все было наоборот: суверен, отстаивая свои интересы, лично судил баронов и, сочтя их виновными, брал штрафы или конфисковывал земли. Злоупотребление этим правом со стороны короля Иоанна привело к мятежу, закончившемуся дарованием Великой хартии вольностей: последняя предусматривала, что обвиненный в чем-либо барон подлежит суду равных (традиция, уже тогда освященная временем).

Сеньора и его вассалов связывало важное взаимное обязательство: защищать друг друга, если против кого-либо выдвинул обвинение другой суд (например, церковный). Обе стороны были заинтересованы в его выполнении: любая угроза фьефу вассала, проистекающая из тяжбы, могла нанести финансовый урон сеньору.

Таким образом, вассалитет был многообразным понятием. Экономическую основу его составлял фьеф – вторая составляющая феодальных отношений. В XI веке этот термин, происходящий от латинского *feodum*, постепенно заменил прежний – «бенефиций»; оба обозначали собственность, которую сеньор отдал в распоряжение вассала. Фьеф мог быть тем, что дает доход: мельницей, доходным домом, рынком, приносящим сборы, мостом, за проезд по которому берут пошлину, и даже пригодным для продажи движимым имуществом. Аббатства и церкви во многих случаях являлись фьефами светских феодалов, которые присваивали себе десятину и различные пожертвования, а порой и приношения верующих. Но чаще всего фьефом служили земельные угодья. В XII–XIII веках Европа, включая Англию, была поделена на фьефы размером от нескольких тысяч акров – с усадьбой, пастбищем, лесом, деревней – до полудюжины акров.

К XIII веку феодальные отношения, благодаря наследованию и пожалованиям, настолько усложнились, что барон мог получить замок в качестве фьефа от одного сеньора, большую часть своих земель – от другого, какие-либо фьефы, приносящие доход, – от третьего, четвертого и так далее. В Англии, где Вильгельм Завоеватель присвоил себе всю землю, поначалу существовала стройная пирамида: король – единственный собственник земли, ниже его стоят главный ленник и другие крупнейшие феодалы, наподобие владельца Чепстоу: только они были прямыми держателями фьефов. Главный ленник передавал часть своих земель менее крупным феодалам и рыцарям, а те в свою очередь жаловали их кому-либо еще. Феодалы пользовались возможностью взимать релъеф с вассалов, получающих инвеституру; к концу XII века величина релъефа обычно соответствовала годовому доходу от фьефа. Согласно Великой хартии вольностей, размер баронского релъефа составлял 100 фунтов, а платежа, который вносил рыцарь, – не более пяти фунтов.

В Англии и Нормандии, если фьеф доставался по наследству несовершеннолетнему, сеньор получал доходы от него вплоть до совершеннолетия владельца, имея при этом един-

ственную обязанность – защищать его. В других местах покровителем обычно становился старший родственник.

«Отчуждение», или продажа, фьефа противоречило смыслу феодальной системы с ее ролью наследственных связей, упором на рыцарскую верность и религиозными обычаями. И все же, как и следовало ожидать, возникла торговля фьефами. Человек мог унаследовать несколько фьефов и округлить свои владения за счет умелых приобретений. Небогатые рыцари часто продавали свою землю, нуждаясь в деньгах. В XII веке сделки с фьефами стали общепризнанным элементом системы – сеньор заботился лишь о включении своего имени в документ, чтобы его права не уმაлялись. В 1159 году Тьерри Эльзасский, граф Фландрии, выпустил грамоту, где речь шла об обмене надела одного из его вассалов на больший по площади участок, предположительно равный по стоимости и принадлежавший церкви Святого Николая в Верне:

Желаю, чтобы стало известным следующее: 45¹/₂ меры земли, которые Леоний получил от меня в виде фьефа, а от него – его брат Ги, были уступлены Ги Леонию и Леонием – мне, теперь же я передаю их церкви Святого Николая в Верне, чтобы та владела ими свободно и вечно. Взамен я получил от церкви 91 меру земли, которую отдал сказанному Леонию в виде фьефа, он же отдал ее своему брату в виде фьефа.

Император Священной Римской империи Фридрих Барбаросса в 1158 году выразил распространное беспокойство по поводу трансформации феодальных отношений:

Мы слышали горькие жалобы от князей Италии... что фьефы, которые их вассалы получили от них, служат залогом для ссуд или продаются без разрешения сеньоров... тем самым они [сеньоры] остаются без причитающейся им службы, а честь империи и мощь нашего войска умаляются.

Прислушавшись к совету епископов, герцогов, маркграфов, графов... и прочих высокопоставленных персон, мы, по воле Божьей, издаем навечно этот указ: «Никто не может продавать или закладывать фьеф либо его часть или отчуждать его каким угодно образом без согласия своего сеньора, от которого, насколько известно, он получил этот фьеф...

Мы также запрещаем хитроумные уловки, при помощи которых продаются фьефы и деньги приходят под видом будто бы пожалования фьефа... Если заключается такой незаконный договор, и продавец и покупатель лишаются фьефа, который возвращается сеньору. Нотариус, который, зная обо всем этом, составляет такой договор, лишается должности... и ему отрубают руки.

Но эта тенденция, возникшая в связи с возрождением европейской экономики, слишком укрепилась, чтобы ее можно было остановить. В XIII веке торговля ширилась, деньги лились рекой, скоробогачей становилось все больше, и фьефы покупались и продавались, сравнившись – фактически, если не формально – с любой другой собственностью. Барон, чье семейство владело землей сотни лет, с наступлением трудных времен продавал ее, полностью или частично, горожанину, который сделал состояние на банковских услугах или торговле тканями и теперь хотел вложить деньги в землю, чтобы уберечь свой капитал и примкнуть к знати.

В позднее Средневековье феодальная система столкнулась еще с одной проблемой: человек, располагавший несколькими фьефами, приносил оммаж разным сеньорам, что подрывало идеологическую основу системы, скрепленную клятвой верности нижестоящего вышестоящему. Когда Генрих I, сын Вильгельма Завоевателя, сумел сделать своим вассалом графа

Роберта Фландрского, тот изложил свой вероломный план, объяснив, как выполнит договоренность в ущерб своему истинному сеньору, королю Франции:

Если король Филипп задумает напасть на короля Генриха в Англии, граф Роберт, если сможет, уговорит короля Филиппа оставаться дома... Если же король Филипп вторгнется в Англию и возьмет с собой графа Роберта, граф приведет с собой так мало людей, как сможет, не нарушая клятву, данную королю Франции.

Когда король Англии призовет графа Роберта, тот соберет, так быстро, как сможет, тысячу человек в своих портах и будет готов поплыть в Англию. Король же... найдет нужное число лошадей для этих рыцарей, так чтобы у каждого рыцаря было по три лошади.

Если же король Генрих пожелает, чтобы граф Роберт оказал ему содействие в Нормандии или в Мэне... граф отправится туда с тысячей рыцарей и будет преданно содействовать королю Генриху, как своему союзнику и сеньору, от коего получил фьеф.

Если в это время король Филипп нападет на короля Генриха в Нормандии, граф Роберт отправится с королем Филиппом, взяв с собой лишь двадцать рыцарей, прочие же его рыцари останутся с королем Генрихом.

Король обещает графу Роберту защиту, чтобы тот оставался целым и невредим... и дает графу Роберту фьеф в виде 500 фунтов английскими деньгами ежегодно.

Иными словами, граф Роберт получал «денежный фьеф» в размере 500 фунтов в год, обязуясь взамен сражаться на стороне короля Генриха с тысячей рыцарей, а если бы его временно призвал к себе король Филипп, граф сражался бы на стороне того и другого, лично явившись к Филиппу, но всего с двадцатью рыцарями, а девятьсот восемьдесят рыцарей послал бы Генриху.

Граф Роберт Фландрский намеренно ставил себя в неудобное положение, чтобы получить круглую сумму, но многие сеньоры оказывались в такой же ситуации просто в результате наследования. В XIII веке Жан Тульский оказался вассалом четырех сеньоров и предвидел осложнения из-за того, что он старался быть верным всем четверым:

Если случится так, что граф де Гранпре будет воевать с графиней и графом Шампанскими из-за своих личных обид, я лично приду на помощь графу де Гранпре и пошлю графине и графу Шампанским, если они попросят, рыцарей, которых я обязан выставить за полученный от них фьеф. Но если граф де Гранпре пойдет войной против графини и графа Шампанских из-за своих друзей, а не из-за своих личных обид, я лично прибуду к графине и графу Шампанским и пошлю одного рыцаря графу де Гранпре.

Важность дилемм, подобных тем, что встали перед Робертом Фландрским и Жаном Тульским, заключалась не в проблемах, которые создавала вассалу верность нескольким сеньорам, а в свободе выбора. Барон, служивший не одному сеньору, всегда мог найти выгодное для себя решение. Обычно барон, располагавший фьефом в виде хорошо укрепленного замка и обширных земельных владений, занимал достаточно сильную позицию, чтобы торговаться с кем угодно. Получая доход от штрафов, пошлин, налогов и сборов, он мог держаться в высшей степени независимо, как бы его положение ни выглядело с точки зрения закона.

Наиболее могущественные бароны, владельцы замков и фьефов, полученных от нескольких сеньоров, в XIII веке были серьезной силой и могли оказывать сопротивление королям и императорам. Даже могущественному королю Англии пришлось признать их права и закрепить это в Великой хартии вольностей.

Современники единодушно восхваляли Уильяма Маршала за «преданность», то есть безусловную верность обязательствам, связывавшим вассала и сеньора, даже когда это ставило под угрозу его отношения с королем. Уильям был рядом со своим сеньором, юным Генрихом, старшим сыном Генриха II, когда тот взбунтовался против отца, и отказался принести оммаж Ричарду Львиное Сердце, хотя получил от его брата Иоанна земли в Ирландии; в 1205 году он не стал сражаться на стороне Иоанна против Филиппа Августа, которому принес оммаж за земли в Нормандии. Однако старомодный феодальный кодекс, которого придерживался Маршал, входил в противоречие с новыми патриотическими веяниями. В 1217 году, будучи регентом при Генрихе III, он заключил не слишком выгодный мир с вторгшимся в Англию французским принцем Людовиком и мятежными английскими баронами и подвергся сильному давлению со стороны тех, кто хотел продолжать войну в надежде вернуть Нормандию английской короне. Конечно, Уильям с удовольствием возвратил бы Нормандию своему государю, однако ему, как барону, эта проблема представлялась отвлеченной: он не понимал, почему нельзя получать земли и от короля Англии, и от короля Франции. Несмотря на прославленную преданность Уильяма, власть государства была для него более слабой и менее реальной, чем власть феодала. Но уже наставали новые времена, смещались акценты. После смерти Уильяма Генрих критиковал его за осторожность, а в 1241 году, обращаясь к одному из его сыновей, даже назвал знаменитого рыцаря предателем.

В затянувшейся борьбе английских баронов с королем заметную роль играли экономические соображения. В этой области бароны добились немалых успехов – больше, чем в других, – извлекая выгоду из медленного, но неуклонного роста доходности поместий, наблюдавшегося в XII–XIII веках. Методы ведения сельского хозяйства и урожайность на протяжении раннего Средневековья оставались практически неизменными, но большинство феодалов смогли увеличить свой доход, вводя разнообразные усовершенствования, обычно за счет крестьян. Кроме того, развитие городов позволило многим из них найти рынок сбыта для излишков урожая и даже заняться товарным земледелием на постоянной основе. И все же рынок тогда был слишком слабым, чтобы давать достаточный стимул для резкого повышения эффективности сельского хозяйства, – это произошло значительно позднее.

Настоящую угрозу для барона и его привилегий представляла не столько королевская власть, сколько медленные, но неотвратимые экономические изменения. Торговцы тканями и другие коммерсанты, эксплуатировавшие своих рабочих, пожалуй, не менее жестоко, но более эффективно, чем бароны – своих крестьян, вырвались вперед в экономической гонке, сельские же феодалы, засевающие в своих гордых, но безжизненных в экономическом смысле замках, топтались на месте.

Некоторым не удавалось даже этого. Судьба Роджера Биго-младшего, унаследовавшего Чепстоу от своего дяди в 1270 году, служит хорошим примером того, что случалось с бароном, пренебрегавшим своими поместьями ради политики. После поражения баронов под Ившемом (1265) этот неисправимый мятежник отдал все, что имел, – всю свою собственность в Англии, Уэльсе и Ирландии – для свержения монарха. В конце концов ему пришлось бесславно капитулировать: в обмен на списание громадных долгов недалековидный Роджер отдал все имения королю и получил их обратно с условием, что после его смерти они отойдут короне. После смерти Роджера в 1302 году это случилось, в частности, с Чепстоу.

Так могущественный замок на реке Уай после двух с лишним столетий перестал быть баронской твердыней. В течение долгого расцвета феодализма он служил домом для могущественнейших аристократических семейств нормандской Англии.

Глава III. Замок как жилище

Пока военные инженеры совершенствовали систему земляных сооружений, палисадов, стен, башен, ворот, барбаканов и бойниц, внутреннее устройство замка также изменялось: он становился более удобным для проживания, появлялось все больше возможностей уединиться.

До нас почти не дошло описаний древнейших курганно-палисадных замков, и только в одном тексте встречаются указания на устройство жилых помещений. Хронист Ламберт Ардрский описывает деревянный замок на холме, возведенный в Ардре (Фландрия) в начале XII века:

Первый этаж – в уровень с землей; там были погреба и амбары, большие сундуки, бочки и кадки и другая домашняя утварь. Во втором этаже – жилые помещения и общие залы: здесь помещения пекарей, здесь кравчих, там большая горница сеньора и его супруги, где они спали, рядом с которой приют служанок и комната или спальня для детей. <...>

В верхней части дома устроены светелки, где спали сыновья хозяина дома, когда хотели, а дочери всегда должны были спать здесь; там же могли соснуть сторожа, всегда бдительно охраняющие дом. <...> Повсюду вели лестницы и переходы из этажа в этаж, из дома в кухню, из комнаты в комнату, из дома в лоджию... там любили сидеть и утешаться беседой; а из лоджии – в часовню, или капеллу, подобную Соломоновой скинии своей сенью и живописью².

Такое сложное внутреннее устройство в курганно-палисадных замках встречалось крайне редко – обычно жилых помещений было куда меньше. Как правило, сеньор с семейством принимали пищу и спали в здании на вершине холма, а кухня, помещения для слуг и солдат, кузница, конюшни, амбары и склады располагались в постройках у подножия холма. Бывало и по-другому: хозяин с домочадцами проживали у подножия холма, а замок наверху служил лишь сторожевой башней и убежищем в случае опасности.

Где бы ни проживал сеньор – на вершине или у подножия холма, в шелл-кипе или большом толстостенном замке (начиная с XIII века), – в его резиденции всегда имелся большой зал, обширное помещение с высоким потолком. Иногда он находился на первом этаже, но чаще (например, в Большой башне Чепстоу, сооруженной при Фиц-Осберне) – на втором, для большей безопасности. В ранних залах имелись боковые приделы, как в церкви: деревянные столбы или каменные колонны поддерживали потолок из дерева. Вскоре средневековые плотники стали использовать для поддержки крыши треугольные стропильные фермы, что позволило отказаться от приделов, – зал стал единым большим пространством. На окнах имелись деревянные ставни с железными засовами; стекла в XI–XII веках встречались редко. В XIII веке король или могущественный барон мог вставить «белое [зеленое] стекло» в несколько окон, в XIV столетии остекление распространилось повсеместно.

Если зал располагался на первом этаже, пол был из утоптанной земли, камня или гипса, а на втором этаже пол почти всегда был деревянным и опирался либо на деревянные столбы (как в Большой башне Чепстоу), либо на каменные своды. Ковры вешали на стены, либо покрывали ими столы и скамейки, но на полу – если говорить об Англии и Северо-Восточной Европе – они появляются лишь в XIV веке. Хронист Матвей Парижский рассказывает, как повели себя лондонцы, когда в 1255 году для Элеоноры Кастильской, супруги будущего Эдуарда I, отвели

² Перевод из Ламберта Ардрского цитируется по кн.: Федотов Г. П. Феодальный быт в хронике Ламберта Ардрского // Средневековый быт: Сб. ст. / Под ред. О. А. Добиаш-Рожественской, А. И. Хоментовской, Г. П. Федотова. Л.: Время, 1925.

помещение, «увешанное шелковыми пеленами и коврами, наподобие храма, и даже пол был устлан коврами. Это сделали испанцы согласно обычаю своей страны; но такая чрезмерная спесь вызвала у народа хохот и насмешки». Полы устилали камышом, а в позднее Средневековье в ход порой шли цветы и травы, такие как базилик, мелисса, ромашка, пижма, калужница, маргаритка, сладкий фенхель, дубровник, иссоп, лаванда, майоран, мята обыкновенная и болотная, роза, фиалка и чабер. Камыш время от времени меняли и подметали при этом пол, но Эразм замечает, – видимо, в предшествовавшую эпоху это было обычным делом, – что под ним часто обнаруживались «пролитое давным-давно пиво, жир, осколки, кости, плевки, испражнения собак и кошек – словом, всяческая мерзость».

Вход в главный зал, как правило, делали в боковой стене, в дальнем конце зала. Если зал располагался на верхнем этаже, в него обычно попадали по наружной лестнице, пристроенной к стене донжона. В некоторых замках (Дуврском, Рочестерском) эта лестница была закрытой со всех сторон и находилась в пристройке, защищавшей вход в донжон, но чаще лестница имела только крышу. В донжоне Чепстоу, сооруженном при Фиц-Осберне, лестница шла внутри стены, от двери на первом этаже до главного зала на втором.

Обитавшее в замке семейство восседало на помосте из дерева или камня в парадном конце зала, противоположном входу, вдали от сквозняков и посторонних глаз. Владелец (и, возможно, его супруга) занимал массивное кресло, иногда снабженное балдахином, что еще больше подчеркивало статус. Для остальных ставили скамейки. Обеденные столы в большинстве своем стояли на временных опорах, которые убирались между приемами пищи; стационарный стол был еще одним символом престижа, который могли позволить себе только виднейшие феодалы. Все столы, однако, покрывались широкими кусками чистой белой ткани.

Для освещения использовались лучины или свечи из воска либо топленого жира, которые насаживались на вертикальные шипы железного подсвечника на треноге, вставлялись в петли либо в держатели или железные канделябры, закрепленные на стене. Масляные лампы в форме чаши, установленные на подставке или в железном кольце на стене, давали более яркий свет; в такие же кольца иногда вставлялись и факелы.

В позднее Средневековье, по сравнению с предыдущими столетиями, освещение улучшилось лишь незначительно, зато было заметно усовершенствовано отопление: появился камин, который лишь кажется простым изобретением. Он давал не только прямое тепло, но и отраженное – от задней стенки и пола самого камина, а также от противоположной стены помещения. Последнюю стали утолщать, чтобы она поглощала тепло и обогревала комнату, когда камин потухнет. Предком камина был открытый центральный очаг, использовавшийся в помещениях первого этажа еще в англосаксонское время, а иногда и позже. Такой очаг мог обогревать два жилых зала XIII века в замке Чепстоу, где нет следов камина. Если так, он, вероятно, располагался рядом с высоким столом и помостом, вдали от того конца зала, где сновали слуги. Центральный очаг делали квадратным, круглым или многоугольным, обкладывали камнем или плитками. Иногда для него сооружали заднюю стенку из плиток, кирпичей или камня. Дым уходил через напоминавшую фонарь башенку на крыше, имевшую боковые отверстия с наклонными ставнями для защиты от снега и дождя; эти ставни открывались и закрывались при помощи шнуров, как жалюзи. В XIV веке стали появляться башенки, которые вращались в зависимости от направления ветра. Кроме того, для отвода дыма на крыше ставили глиняные фигуры, изображавшие рыцарей, королей или священников: дым выходил из их глаз, рта и отверстий наверху головы. На ночь очаг прикрывали особой крышкой, керамической или фарфоровой, под названием *couvre-feu* («прикрытие для огня»).

Когда зал стали устраивать на втором этаже, камин в одной из стен вытеснил центральный очаг – тот мог привести к возгораниям наверху, особенно если пол был деревянным. Сперва очаг сместился к стене и стал снабжаться воронкой или колпаком для улавливания и регулирования отвода дыма, затем все, включая воронку, было встроено в стену. Эти ранние

камины были сводчатыми, и там, где они находились, стена усиливалась при помощи контрфорса, служившего также дымоходом. К концу XII века на камин стали надевать специальный колпак-дымоуловитель из камня или гипса, который позволял делать каминную нишу не такой глубокой. От камина отходили вертикальные внутрискатные дымоходы цилиндрической формы – открытые сверху или имевшие боковые вытяжные отверстия и защищенные конусообразным колпаком.

В Чепстоу, где два зала жилой части XIII века были построены на первом этаже, склон холма использовали, чтобы разместить служебные помещения более просторного Большого зала над служебными помещениями Малого зала. Нижнюю часть Большого зала, где был вход, разделили на две части, выгородив проход. Поначалу «выгородки» представляли собой две низкие деревянные стенки с входом по центру, прикрытым занавесом или переносной ширмой. Позднее там появилась дверь, открывавшаяся в обе стороны. Над этим выгороженным проходом обычно возвышалась галерея для музыкантов.

В дальнем конце прохода имелись три двери. Две вели в служебные помещения, разделенные коридором: одно использовалось как кладовая, где разливалось вино, другое – как кладовая для продуктов. Сразу после постройки замка это были примитивные каморки, но в XII веке они стали, как и в других местах, частью зала. Здесь стояли полки и скамьи, где сервировали принесенные с кухни кушанья. В Чепстоу кладовая для продуктов была снабжена сливом, выходящим к реке и, видимо, служившим для удаления отходов. Третья дверь, между двумя кладовыми, вела на лестницу, а та – к коридору, соединявшему два зала. В одном конце коридора располагались уборная для двух человек, чуланы и лестница, спускавшаяся в сводчатое подземное хранилище под Большим залом; в хранилище имелся проем для выгрузки провизии, которую доставляли по реке. Другой конец упирался в кухню, размещенную в отдельном здании на территории нижнего двора.

На протяжении XIII века кухни в замках по большей части все еще сооружались из дерева. В них оборудовали центральный очаг или несколько очагов для жарки мяса на вертеле либо варки в котле. Посудомойня располагалась отдельно, на улице. Неподалеку от кухни держали на привязи животных, предназначенных на убой. По случаю праздников устраивали временные кухни. Во время коронации Эдуарда I (1273), как писал современник, «бесчисленные кухни... [были] построены» в Вестминстерском дворце и «бесчисленные свинцовые котлы поставлены снаружи, чтобы готовить мясо». Лишь в XV веке кухня была перемещена в жилую часть.

В части двора, прилегавшей к кухне, обычно разбивали замковый сад с плодовыми деревьями и виноградниками, отдельными участками для трав и цветов, таких как розы, лилии, гелиотропы, фиалки, маки, нарциссы, ирисы, гладиолусы. Иногда был и рыбный пруд, куда пускали форель и щуку.

Каменные стены средневекового замка нередко белились внутри и снаружи. Внутренние помещения могли штукатуриться, закрываться деревянными панелями, украшаться росписями или драпировкой. Внутреннее убранство, как правило, начиналось в зоне помоста большого зала: часто это было единственное место с панелями и росписями. Распространенный прием заключался в том, чтобы нанести на стену линии, обычно красные, имитируя крупные каменные блоки; в каждом таком блоке изображался цветок. Комната королевы в лондонском Тауэре – речь идет о 1240 годе – была обшита и побелена, роспись воспроизводила каменную кладку, украшенную розами. Обшивка была самой простой – вертикальные деревянные панели, покрытые белой или другой краской. В Англии для этого использовалась главным образом ель, привозившаяся из Норвегии. В замках Генриха III залы часто были решены в зелено-золотой гамме или же за основу брался зеленый цвет с вкраплениями золота и серебра. Во многих комнатах имелись росписи: в зале Винчестерского замка была изображена карта мира, по нижней спальне Кларендонского замка шел фриз с головами королей и королев, в

верхней спальне можно было видеть святую Маргариту и четырех евангелистов и, согласно указаниям, которые король дал строителям, «головы мужчин и женщин, превосходных и изысканных цветов». Драпировки из крашеной шерсти или льна стали предшественниками гобеленов, появившихся в XIV веке и служивших не только для украшения стен, но и для защиты от сквозняков.

В ранних замках семья владельца спала в дальнем конце парадной половины зала, за помостом; пространство для сна чаще всего отгораживалось занавесью или ширмой. Однако в Чепстоу при Фиц-Осберне уже появляется деревянная перегородка. В XIII столетии сыновья Уильяма Маршала убрали ее, и бывшая спальня стала частью зала. При них появилась каменная аркада, поддерживавшая новую комнату на третьем этаже, куда вела деревянная лестница. В последнее десятилетие XIII века эта комната была расширена и отныне занимала все пространство над залом.

На втором этаже жилой части замка Чепстоу, где находился Большой зал, также имелась спальня, а из Малого зала можно было попасть в три спальни, на трех уровнях. В замках, где зал располагался на первом этаже, спальню владельца и его супруги иногда устраивали в отдельном крыле, примыкавшем к парадной части зала, над хранилищем; из противоположного конца зала попадали в другую спальню, над кладовыми (продуктовой и винной), предназначенную для старшего сына с семейством, либо для гостей, либо для управляющего замком. Порой в этих спальнях второго этажа устраивали «глазки» – окошки, скрытые за отделкой, чтобы владелец или управляющий мог наблюдать за происходящим внизу.

Спальня владельца и его супруги на верхнем этаже называлась «солар», и впоследствии это слово стало обозначать любую комнату в личных покоях, независимо от ее расположения. Главным предметом мебели в ней была большая кровать с тяжелым деревянным каркасом и натянутыми переплетенными веревками или полосками кожи, на которые клали пуховый матрас, простыни, одеяла, меховые покрывала и подушки. Такую кровать можно было разобрать на части и взять с собой в другой замок или поместье – крупные феодалы часто объезжали свои владения. Кровать снабжалась льняными занавесками, которые отодвигались днем и задергивались на ночь, обеспечивая приватность и защиту от сквозняков. Слуги могли спать в одной комнате с хозяевами на соломе, выдвижной кровати или скамье. Остальная обстановка состояла из сундуков для носильных вещей, деревянных жердей, на которые вешали одежду, и одного-двух табуретов.

В замках крупнейших феодалов порой были отдельные спальни для хозяина и его жены, которая ночевала вместе со служанками. В 1238 году, сообщает Матвей Парижский, Генрих III едва избежал смерти: покушавшийся забрался к нему в спальню через окно и стал искать монарха с ножом в руке, но не нашел. «Король, по Божьему провидению, спал тогда с супругой». Одна из прислужниц королевы, не спавшая и «распевавшая псалмы при свете свечи», увидела незнакомца и подняла тревогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.